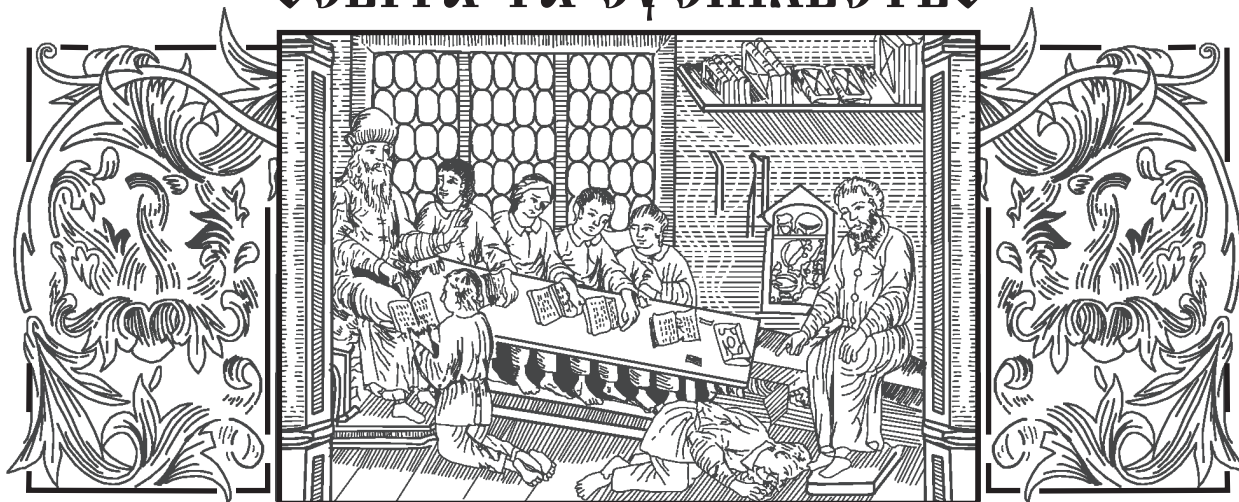

ОСВІТА ТА СУСПІЛЬСТВО

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

*Международная научно-практическая конференция,
Харьков, «Народная украинская академия»
17–18 февраля 2014 г.*

УДК 37.014.5(063)

Образование XXI века: от дошкольного детства до пенсии

*Лев Любимов,
доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва*

1. Капитал, земля, численность рабочей силы уже с 70-х годов XX века не являются в странах ОЭСР главными ресурсами конкурентного развития и экономического роста. На первое место вышло образование. Знаниевая экономика и знаниевое общество — продукты эпистемического, образованного населения. Для генерирования такого населения была необходима глубокая реформа образования, по крайней мере, везде, где была политическая воля для того, чтобы не сползать постоянно вниз в иерархии

стран. Во многих странах Запада, а затем и Востока, эти реформы начались давно.

2. Общее образование. Смысл реформ школы — смена трансляционной (устная передача знания) парадигмы на деятельностную. Научная база этих реформ — идеи научной школы Л.С.Выготского — школы культурно-исторической психологии. В начале 70-х именно эти идеи были взяты за основу в развитых странах Запада. В сотнях ведущих зарубежных университетов были созданы институты образования. Возникла наука (не только

отрасль!) — образование (Education), которая ушла дальше Л.С.Выготского. Слово «педагогика» исчезло. Эта наука пришла в школы. Методологическую основу этой новой науки составил междисциплинарный комплекс (набор) — философия, социология и психология образования, экономическая теория образования, ИТ в образовании.

3. В Советской России школа Л.С. Выготского не преследовалась, но и не допускалась в школы. Свообразным барьером для неё сделали бесполезный институт методистов. Сегодня новый школьный стандарт в России — это стандарт по идеям Л.С. Выготского с учетом опыта школ международного бакалавриата.

4. Акценты нового российского школьного стандарта включают:

— Дошкольное детство: Социализация, стимулирование устной речи и предпонятийного мышления (синкреты, комплексное обучение).

— Начальная школа: Развитие письменной речи в качестве авторской речи (акцент не на письмо, а на РЕЧЬ), создание индивидуальных коллекций письменных текстов. Развитие слухового восприятия как средство и результат текстопонимания. Создание ситуаций для формирования понятийно-абстрактного мышления с задачей его самостоятельного формирования к завершению начальной ступени. Первоначальные метапредметные компетенции. Дальнейшая социализация. Формирование у ребенка образа мира.

— Средняя ступень: Закрепление и постоянное углубление понятийно-абстрактного мышления. Создание учебных ситуаций предъявления (демонстраций) «зазора» между учебной теорией и реальностью (пространство таких «зазоров» — место рождения инсайтов, саморазвития сложных абстракций), его схватывание и удержание в восприятии ученика, а затем совместный с учеником поиск языка означивания «зазора». Освоение предметных навигаций и компетенций поиска, отбора, наделения соб-

ственными смыслами и комбинирование знаниевых единиц для решения учебных задач. Проектные работы. Радикальная реформа преподавания русской литературы (литература как важнейшее условие формирования самости, произвольного развития личности через формирование навыка переживания, эмпатического восприятия Другого). Расширение коллекции собственных письменных текстов. Реформа преподавания истории. Гуманитаризация и гуманизация школы. Создание условий участия (партиципации) учеников во всех деятельности семьи, класса и школы, окружающего социума в целом как важнейшее условие развития личности. Включение в эти деятельности каждого родителя.

— Старшая ступень. Права выбора изучаемого предметного набора. Компетенция предметной концентрации, контроля личного времени и ресурсов. Сформированная личность и гражданин, навык служения обществу. Продвинутое знание избранного предметного набора. Навык межпредметных компетенций. Активный иностранный язык (прежде всего *английский — lingua franca*). Навык работы в командах *ad hoc*. Продвинутое проектное участие. Успешное освоение предметного набора теми, кто отложил или исключил для себя перспективу третичного образования. Презентационные компетенции. Когнитивные устремления (когнитивная возбудимость). Навык самооценивания и развитая рефлексия.

— Высшее (включая третичное) образование.

Новыми (и радикальными по интенсивности) факторами для высшего образования во всем мире стали его массовизация и непрерывность. Средствами для того, чтобы встретить эти вызовы, стали:

a) значительное увеличение числа университетов; в) многообразие программ; с) расширение миссии университетов; d) увеличение функций членов *Academia*; e) коммерциализация ряда университетских деятельностей; f) введение профессионального менеджмента в университеты;

g) тесная связь университетов с регионом;
h) превращение университетов в объекты регулярной отчетности.

Массовизация с особой силой случилась в России, хотя универсальных (аналогичных Западу) потребностей в этом не было. Скорее были серьезные ошибки в образовательной политике и управлении. Центральной проблемой для многих университетов на постсоветском и постсоциалистическом пространствах (особенно в России) стала редукция университетского этоса. Не меньшей оказалась и проблема восстановления гуманитарных наук и наук об обществе, а также адекватного их мировому мейнстриму контента образовательных программ. И то, и другое в указанных странах, как правило, имеют огромный лаг в сравнении со странами ОЭСР, а также Японии, Южной Кореи, теперь уже Китая и Индии. Всё это — объекты для глубокого реформирования. Пока — хотя бы с целью догнать.

Другие цели университетского реформирования:

— Превращение университетов в центры национальных НИР.

— Появление у университетов миссии (и функции) курирования контента и кадров общего образования, развитие новой науки — «Образование» (не «Педагогика»!).

— Развитие кроссдисциплинарных исследований и образовательных программ.

— Инновационная активность, опирающаяся на автономию в организации исследовательских команд *ad hoc* (финансовые средства аккумулируются не на университетах и факультетах, а на «топиках»).

— Университет — пространство стартов социальных трансформаций (здесь производятся идеи, люди (актив социума) и дисциплины).

— Университет как отрасль консалтинга.

— Университет как *triple helix* (связка «государство-университет-промышленность»).

— Университет как подрядчик социального заказа.

Специфика постсоветского университетского пространства огромна. Например, в России всё университетское пространство подлежит глубокому реформированию, которое включает:

— Рассмотрение вариантов категоризации университетов (классические, профессиональные, федеральные, исследовательские, не имеющие аспирантуры, не имеющие магистратуры).

— Передачу большинства университетов в регионы (вместе со всеми ресурсами), реализация региональных университетских миссий.

— Развитие исследовательского потенциала (превращение топовых вузов в основные центры национальных исследований).

— Восстановление и развитие гуманитарных наук и наук об обществе.

— Глубокую интернационализацию, академизацию образовательных программ.

— Формирование «внутреннего гражданского общества» в *Academia* университетов и студенческих сообществах (носителей академической демократии).

— Санацию носителей предметного контента, не отвечающего мировому мейнстриму соответствующих наук (особенно в гуманитарных и общественных дисциплинах).

— Транспарентность университетской жизни, включая финансы и зарплаты.

— Восстановление университетского этоса (важнейшая задача).

— Реконструкция ДПО, обеспечивающего «образование в течение всей жизни — LLL». Восстановление качества университетской аутентичности на всех программах ДПО, включая развитие прикладных НИР.

— Радикальное изменение организационной культуры университетов, приближение к паттернам послеболонского Мирового университета (образовательные программы B.A. и B.S., M.A. и M.S., M. Phil, Ph. D., DBA и др.).

— Развитие функции консалтинга.
 — Мобильность Академии и студентов.
 — Обязательность и регулярность внешней оценки качества — peer review.

— Развитие у Academia культуры и потенциала профессионального обсуждения и оценки любых политик властей.

— Превращение университетов в национальный центр сохранения и совершенствования ценностных интеллектуальных и культурных паттернов нации, ключевой инструмент сохранения открытого общества.

— Создание в ведущих университетах институтов образования (их миссия — исследования в области образования, разработка образовательной политики, интеллектуально-научное спонсорство над школами, особенно в подготовке педагогических кадров и поддержании качественного контента школьного образования).

— Максимальное развитие коммуникативных программ (научных, организационных, культурных и т.д., охватывающих деятельность основных профессиональных сообществ университета).

— Старт кроссдисциплинарных исследовательских, а затем и образовательных программ. Организация попыток создания комплексных, комбинированных методологий таких исследований. Проблема преподавания суперконцепций.

— Создание стратегий развития послевузовских профессиональных образовательных услуг неформального типа для пользователей любых возрастов и сфер занятости, включая домашние хозяйства (с обслуживанием заказанных программ и курсов).

— Анализ частично уже идущего превращения университета в пространство «малых миров» (академического, прикладного внедренческого, инструкторского, инновационно-консалтингового, предпринимательского, управленческого).

— Анализ полезности (?) и перспективности развивающейся интрадисциплинарности в общественных и социальных науках с постоянной генерацией новых субдисциплин.

— Рассмотрение и принятие идеи университета как ядра промышленного внедренческого кластера.

— Сосредоточение университетского менеджмента на поддержке, а не на контроле.

— Наконец, деятельностная образовательная парадигма актуальна для университетских образовательных программ не в меньшей мере, чем для школьной; трансляция курсов бессмысленна и не требует кадров с исследовательским потенциалом и практическим опытом.

Наиболее сложной для российских университетов (и многих университетов постсоветского пространства) стала проблема аттестации (и подготовки) научных и научно-педагогических кадров. Ядро сложности — глубокий некроз института аттестации и крайний дефицит университетских научных школ, студенческих и аспирантских супервайзеров и экспертов. К этому следует добавить фактическое отсутствие образовательной программы в аспирантуре аналогичной M.Phil. Program в западных университетах.

Особо отметим, что наиболее некротичной является сфера наук об обществе и гуманитарных наук. Кадры этих наук принадлежат почти исключительно образовательной (причем низкокачественной) оболочке университетов. Они в большинстве своем способны лишь на трансляцию вчерашнего знания, полезность которой идет к нулю.

Но нарушение этоса Академии быстро распространяется и в других научно-педагогических сферах — инженерной, медицинской, аграрной и т.д. Эти тенденции, на мой взгляд, уже стали необратимы без широкого привлечения западной профессуры и экспертизы.

Всё сказанное говорит о том, что для постсоциалистических стран (к счастью, уже не для всех) образование в течение всей жизни должно стать абсолютным приоритетом государственной политики..., если, конечно, эти страны стремятся к education-driven economy, т.е. знаниевой экономике. Но реализация такой полити-

ки не может быть обеспечена программой или программами, а только долгосрочной (long run) стратегией, радикальной перезагрузкой как самой отрасли «Образование», отраслей «вокруг» (медицина, культура, экология, спорт), так и ментальности самого общества, для которого образование абсолютным приоритетом (даже просто приоритетом) не было никогда. И, конечно, придется, вернув ко второй жизни огромный багаж российской школы психологии образования, создавать науку «Образование». Отказавшись от «Педагогики» по понятным причинам её неспособности служить чему-либо позитивному для отрасли «Образование».

Полагаю, что долгосрочная (на 20–25 лет) национальная стратегия в сфере образования может для наших стран стать ключевым элементом и их национальных идей. Во всяком случае, для России такую идею я бы уместил в одно слово — ЧЕЛОВЕК.

За 800 лет после Киевской Руси подавляющее большинство населения Рос-

сии прошло почти непрерывный опыт отчуждения от продуктов собственного труда и отучения тем самым работать ответственно и продуктивно на себя, на свою семью, на потомков. У него не возник даже инстинкт собственности. Более 700 лет его отчуждали от образования и культуры, равнодушно взирая на убожество его хозяйственной жизни, убожество домашней жизни, убожество разоренных ландшафтов, приучая к нулевой ценности самой человеческой жизни. Государство в России, интеллектуальный класс России в огромном долгу перед человеком России. Идея ренессанса Человека — очевидно консенсусная. Кто рискнет выступить против собственных детей? Им нужно вернуть долги, накопленные их предками, — качественным образованием, медициной, культурой, спортом, чистой экологией, безопасностью. Человек должен стать мерой любой государственной политики. А её первой статьёй — образование.

18.02.2014